

Отец и сын беседовали полчаса. Как только Гу Чанъянь ушел, Гу Сюй повернулся и позвал управляющего Ли.

— Жэньчжун, разузнай, с кем в последние дни общался Янь-эр.

Жэньчжун — таково было личное имя управляющего Ли.

— Слушаюсь, господин.

Во всем поместье Гу Ли Жэньчжун был предан прежде всего Гу Сюю, и даже когда дело касалось слежки за ребенком, которого он видел с пеленок, он не задавал лишних вопросов.

Гу Чанъянь понимал, что отец наверняка попытается разузнать о его делах, поэтому все свои поручения доверял лишь двоим людям, в которых был уверен больше всего — Жунчань и ее младшему брату. Вернувшись, он еще раз напомнил им обоим, что никто не должен ничего узнать.

Узнав об этом, Вэнь Чаннин посмотрел на Гу Чанъяня своими персиковыми глазами, о чем-то задумавшись, а затем серьезно произнес:

— Прости, доставил тебе хлопот.

— Пустяки. В конце концов, я делаю это за вознаграждение, — Гу Чанъянь ответил легко, с шутливой ноткой, чтобы приободрить Вэнь Чаннина.

— И Чжаолань, спасибо тебе за заботу, — Вэнь Чаннин повернулся к статному юноше, стоявшему рядом. — Будет время, поблагодари от меня и свою сестру.

Чжаолань кивнул:

— Хорошо, как только увижусь с ней, сразу передам.

Хотя они были знакомы всего несколько дней, Чжаолань чувствовал, что брат Чаннин — человек хороший. И это было не то поверхностное добродушие, а что-то искреннее. Он не мог выразить это словами, но брат Чаннин относился к нему по-доброму и не забывал о хлопотах его сестры.

Закончив разговор, Гу Чанъянь вспомнил о завтрашнем торжестве:

— Завтра моя старшая сестра выходит замуж. Хочешь прийти, выпить свадебного вина?

Хм?

Если подумать, Вэнь Чаннин еще ни разу не видел старшую барышню поместья Гу, Гу Юэкоу. Она все время проводила в своем дворике, готовясь к свадьбе, а ее родная мать, наложница Фу, неотлучно находилась рядом. Вэнь Чаннин не собирался лезть не в свое дело и специально высматривать ее, так что за все те дни, что он здесь жил, он даже не мельком не видел невесту.

Вэнь Чаннин с любопытством спросил:

— А за кого она выходит?

Гу Чанъянь принялся объяснять. Чэнь Юаньцзя, двадцать три года, по образованию цзюйжэнь, внешностью и нравом вышел удачно, вот только здоровье подводило. Он был старшим сыном в семье Чэнь, чей отец занимал должность доктора в Гоцзыцзянь и имел седьмой ранг.

Раз уж речь зашла о свадьбе, у Вэнь Чаннина проснулся интерес к сплетням. Выслушав, он спросил:

— Двадцать три?

В современном мире это был еще юный возраст, но в древности, где женились рано, это считалось поздновато. Гу Чанъяню было девятнадцать, Гу Юэкоу была старше его на несколько месяцев, ей было почти двадцать. Замуж она вышла поздно из-за траура по законной матери. Неужели и у Чэнь Юаньцзя была такая же причина?

Оказалось, что когда Чэнь Юаньцзя исполнилось пятнадцать, скончался его дед, и доктор Чэнь увез семью на родину соблюдать трехлетний траур. В восемнадцать лет Чэнь Юаньцзя обручился с четырнадцатилетней Гу Юэкоу, но не успели они исполнить помолвку, как скончалась мать жениха. А в конце третьего года траура Чэнь Юаньцзя умерла законная мать Гу Юэкоу, что потребовало еще трех лет скорби.

Гу Чанъянь не упомянул лишь о том, что после смерти его матери отец не стал ни на чем настаивать и прямо сказал Чэнь Юаньцзя, что не хочет портить ему жизнь и готов расторгнуть помолвку. Именно Чэнь Юаньцзя настоял на своем, поэтому они ждали еще три года.

Гу Чанъянь подумал про себя, что отец, так заботясь о старшей сестре, выполнил свой долг. Предложение расторгнуть помолвку было продиктовано страхом, что Чэнь Юаньцзя или его семья затаят обиду, из-за чего его дочь могла бы потом страдать. Отец всегда был равнодушен к этой паре матери и дочери. Да и в самом Чэнь Юаньцзя он ценил прежде всего способности и личные качества, а не знатное происхождение.

Вэнь Чаннин, выслушав всё это, не нашелся что и сказать. Судьба Чэнь Юаньцзя была поистине... эх.

Вдруг Вэнь Чаннин что-то вспомнил и спросил:

— А у Чэнь Юаньцзя есть наложницы?

Он помнил, что у детей чиновничьих семей в древности до свадьбы часто бывали служанки для утех. Будучи человеком из современного мира, он понимал это умом, но психологически принять не мог. Он замялся, не зная, как спросить:

— Ты...

Гу Чанъянь, увидев выражение лица Вэнь Чаннина, сразу понял, что тот хочет сказать.

— У Чэнь Юаньцзя их быть не должно. Он все время соблюдал траур, а в ожидании старшей сестры пообещал ей, что у него не будет ни наложниц, ни вторых жен.

Гу Чанъянь помолчал и добавил:

— У меня их тоже нет.

Мать болела несколько лет, он все время ухаживал за ней, а потом три года соблюдал траур.

— Вот оно что, — кивнул Вэнь Чаннин.

В кабинете воцарилась тишина: Гу Чанъянь занялся повторением изученного, а Вэнь Чаннин — каллиграфией.

На следующее утро, еще до рассвета, все поместье Гу пришло в движение.

В павильоне Тинчунь Гу Чанъянь сегодня был не в обычном домашнем халате, а в строгом темно-синем шелковом наряде. Длинный халат с широкими плечами, пояс в тон, нефритовая подвеска с кисточками, волосы наполовину собраны и закреплены серебряным венцом. Увидев этот сдержанный, почти неземной образ, Вэнь Чаннин наконец почувствовал, что перед ним действительно девятнадцатилетний парень. В обычные дни манеры и аура Гу Чанъяня заставляли забыть о его возрасте, хотя в современном мире он был бы лишь вчерашним школьником, только поступившим в университет.

Сам Вэнь Чаннин не стал особенно наряжаться: сегодня ожидалось много людей, поэтому для удобства он надел костюм для боевых искусств. Среди одежды, приготовленной Жунчань, был черно-золотой комплект, который показался ему очень крутым, и сегодня он решил его примерить.

С тех пор как Вэнь Чаннин поселился здесь, Гу Чанъянь больше не позволял слугам помогать ему одеваться. Приведя себя в порядок, он повернулся к Вэнь Чаннину:

— Сейчас я передам подвеску Чжаоланю, пусть он будет рядом с тобой.

Чжаолань, также одетый в белый костюм для тренировок с высоким хвостом, стоял в комнате и, услышав это, послушно кивнул:

— Брат Янь, не волнуйся, я пригляжу за братом Чаннином.

Чжаолань чувствовал, что за эти несколько дней он держал в руках подвеску брата Яня больше, чем за все предыдущие десять лет. Эта подвеска досталась брату Яню от госпожи Гу, и раз брат Чаннин с ней как-то связан, не в этом ли причина, по которой брат Янь так заботится о нем? Чжаолань тихо размышлял над этим вопросом.

После легкого завтрака Гу Чанъянь ушел принимать гостей. В династии Ци бракосочетание проходило так: ранним утром жених забирал невесту, а на закате совершался обряд поклонения.

Вэнь Чаннин тоже вышел из дома, чтобы поглазеть на торжество. Жених еще не прибыл, невеста не покинула свою комнату, так что Вэнь Чаннин отправился к главным воротам ждать свадебный кортеж. Чжаолань следовал за ним по пятам. Вокруг было полно людей, поэтому он не решался разговаривать, лишь крепко сжимал в руках рукоять своего меча Тан и внимательно следил за толпой, чтобы никто случайно не налетел на Вэнь Чаннина.

— Чжаолань?

Жунчань, одетая в желтую кофту, стояла неподалеку и издали заметила брата, который глупо стоял у ворот с напряженным выражением лица. По крайней мере, так это выглядело в глазах любящей сестры.

— Се... сестра?

Чжаолань вздрогнул, когда его окликнули, и слегка заикнулся.

— Сегодня госпожа выходит замуж, почему ты не рядом с молодым господином, а стоишь здесь? — с недоумением спросила Жунчань.

Чжаолань лихорадочно придумывал оправдание:

— Э-э... молодой господин не разрешил мне следовать за ним, велел держаться там, где меньше людей, чтобы никому не мешать.

Он решил переложить ответственность на Гу Чанъяня — вряд ли сестра пойдет перепроверять это у него. И, надо сказать, решение было верным: услышав это, Жунчань убедила себя, что у молодого господина наверняка были на то причины. Она еще немного пожурела брата за то, что он так легко одет в такой холод, и ушла.

Когда она скрылась, Чжаолань выдохнул с облегчением. Вэнь Чаннин усмехнулся и тихо подшутил:

— Чжаолань, ты так боишься свою сестру?

Чжаолань инстинктивно хотел покачать головой, но вспомнил, что вокруг полно людей, и это выглядело бы странно. Он лишь прижал кулак к губам и честно признался:

— Нет, просто вы были рядом, брат Чаннин, я боялся, что сестра заметит что-то неладное, вот и занервничал.

Вэнь Чаннин приподнял бровь:

— Ну, ладно.

В этот момент снаружи послышались звуки барабанов и гонгов, которые становились все громче. Видимо, свадебная процессия приближалась.

<http://bllate.org/book/18800/1827390>